
Традиционные ценности Православия и современные вызовы

На рубеже XIX – XX веков в русском обществе стала горячо обсуждаться тема «церковности». В то время ещё вполне молодой священник Павел Флоренский написал: «Неопределимость православной церковности есть лучшее доказательство ее жизненности... Что такое церковность? Это — новая жизнь, жизнь в Духе. Каков же критерий правильности этой жизни? — Красота».

Можно долго рассказывать о том, что такое православие. О храмах и иконах. О догматах и обрядах. О молитвах и постах. О целомудрии и многодетности. И о многом другом. В этом году мы вспоминаем, как сто лет назад многое из того, что называлось православием, рухнуло в одночасье. Среди фотографий, сделанных Михаилом Пришвиным – очевидцем разгрома Троице-Сергиевой Лавры, есть один кадр, где запечатлена бабулька в платочке – с сияющим от счастья лицом бросающая в костёр свои иконы. Те самые иконы, перед которыми она ещё вчера молилась. Образа, которые бережно передавались из поколения в поколение как главная святыня всего рода. Святые лики, которыми она же благословляла своих детей. И – что самое главное – к поруганию икон её никто не принуждал. Она делала это совершенно свободно, не под дулом револьвера – с радостным лицом человека, сбрасывающего давно тяготившее бремя. Куда растворились 100 тысяч монашествующих – когда красноармейцы, ошалевшие от свалившейся им в руки власти, пришли громить монастыри? 100 тысяч – это же огромная армия! 1025 монастырей в начале XX века – это же целое государство! Мы глубоко чтим новомучеников, которые отдали свои жизни за верность Христу – но ведь таковых было меньшинство среди тех, кто формально были христианами...

И когда сегодня мы говорим о возрождении Православия в нашей стране, хочется сказать стихами безымянного молодого автора – пишущего в стиле «стишков-порошков» :

«Мой Бог! Да это ж те же грабли.

Не разглядел я в темноте.

А ну-ка наступлю ещё раз?

Да, те!»

Есть ли какой-то способ обойти эту уже однажды проторенную колею? Конечно, есть. Для этого надо посмотреть на православие через призму Евангелия и – ничего не удаляя – всего лишь немного изменить акценты.

Что же является для Православия самым главным и абсолютно неотъемлемым? Без чего огромное здание религии, где и богослужение, и аскетика, и духовная жизнь, и церковно-государственные отношения и всё остальное – оказывается в очень шатком положении? Это – Христос. Не какая-то абстрактная «идея Бога», универсальная для всего человеческого рода – а

Живой, Непредсказуемый и Объективно Сущий Богочеловек. Который и является Главой нашей Церкви. Церкви – не как «религиозной организации», а Церкви как Его – Христова – Тела. Что это значит?

Каким бы великим ни был спасительный подвиг Христа, но если мы сегодня не научимся его реально переживать – практического толка от этого не будет. История знает многих величайших учителей человечества, оставивших яркий след – но Христос из этого ряда выпадает. Ведь Он не оставил нам ни одной письменной строчки, ни одного автографа. Он не открыл ни одного рецепта бесконечного здоровья, ни одного алгоритма создания эффективного государства, ни принципиально нового философского учения. Он оставил нам куда более значимое – Себя Самого. Живого. В Телe Своей Церкви.

Когда мы говорим, что верим в «единую, святую, соборную и апостольскую Церковь» – тем самым мы утверждаем, что все эти характеристики – вовсе не очевидны. Иначе зачем была бы нужна вера? В очевидное – уже не верят, а просто знают. Церковь как Тело Христа ожидает от нас веры точно также, как родитель, когда даёт ребёнку бумагу и карандаши, верит, что в итоге он станет рисовать. Что сначала он научится просто держать их в руке, затем начнёт что-то пытаться изобразить – будет не получаться, он будет расстраиваться и даже злиться, его надо будет поддержать, погладить, ободрить – и при этом нет никаких гарантий, что неразумному сынку не придёт в голову исследовать при помощи карандаша столь привлекательные дырки в электрической розетке.

Значит, говоря словами апостола Павла, мы как Церковь – пока ещё «не то, чем должны быть» (2Кор.13:5) – то есть находимся в процессе обучения и становления – и это – нормально. И тот же апостол призывает нас не просто успокоиться на этом – но постоянно испытывать самих себя, в вере ли мы, исследовать себя, действительно ли в нас есть Дух Божий, живём ли мы Христом (Гал. 5:25) – или только воображаем об этом.

Кому-то такая постановка вопроса покажется провокационной. Разве мы не поймали уже Господа Бога, не приручили Его, расставив вокруг множество таинственных ловушек в виде ритуалов и обрядов? Конечно же, нет. Познать Бога – это вовсе не то же самое, что и «присвоить» или «приручить». Он – вообще неуловим: дышит там, где хочет, когда хочет и как хочет. Но и мы – отнюдь не слепые котята, в беспомощности тыкающиеся носами куда попало: наш Небесный Хозяин оставил вполне конкретные признаки, или, как сегодня говорят, маркеры – по которым мы можем легко определить, насколько мы далеки от поставленной задачи – или достаточно успешно к нейдвигаемся.

Итак, первый маркер: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13:35). И на этой фразе – все дружно выдохнули. Ещё бы: с любовью – у нас всё в полном порядке. Особенно у молодых. И не сильно церковных. Вопрос в другом: об одном ли и том же думаем мы – и говорил Христос?

Можно было бы прочитать отдельную лекцию о том, что в древнегреческом – и «эрос», и «агапэ», и «филия», и «сторгэ» – а кто-то сюда же добавит и

«мания», и «латрейя» – всё это можно перевести одним и тем же словом: любовь. Какая удобная лазейка для того, кто хотел бы одним махом отправить всех спасаться в монастыри! Да только есть одна загвоздочка: почему-то святые отцы Церкви совершенно не стеснялись говорить о своих отношениях с Богом – нередко используя именно «эрос» – а не какие-то иные, не столь бурно эмоционально заряженные понятия!

Паисий Святогорец, описывая жизнь афонского старца Георгия Отшельника, говорит, что он скитался по горам, будучи движим «Божественным Эросом». Он употребляет здесь слово “эрос” для обозначения наивысшей степени любви человека к Богу – как это делали многие отцы, например, св. Григорий Нисский¹, св. Дионисий Ареопагит², св. Максим Исповедник³ и прп. Симеон Новый Богослов и др.)⁴.

Нередко можно услышать, что суть христианской любви лучше всего выражается не «эросом», а другим словом – «агапэ» – откуда происходят и хорошо известные «агапы» – общие трапезы – ранних христиан. Но парадокс заключается в том, что «агапэ» – всего лишь созвучный термин, использованный в Септуагинте греческими переводчиками Пятикнижия для еврейского слова «'ahâbh». Во всей полифоничности древнегреческого языка не нашлось точного аналога для выражения божественной, безусловной любви – и в то же самое время любви вполне чувственной, между мужчиной и женщиной. То есть современное прочтение заповеди «да любите друг друга» – как это ни странно – в русском языке ближе к оригинальному звучанию, нежели чем в греческом: ведь наш язык не различает «человеческой» и «Божественной» любви – это всё – одно и то же слово!

При этом еврейский язык, описывая понятие Божественной любви, включает неожиданные оттенки: например, «râcham» – означает буквально «ласкать», «лелеять» – и этимологически связано со словом «râchem» – «материнское лоно»⁵. Бог не стесняется описывать свою любовь к человеку в

¹ 13-я беседа на Песнь Песней

² “О Божественных именах” 4,11

³ “Схолии на Божественные имена”, 4, 15

⁴ В книге “Послания” старец Паисий пишет: Те же“, которые живут духовной жизнью помирски, то есть когда у них постоянная Пасха и они не переживут сначала Великой четырехдесятницы и распятия, не могут духовно воскреснуть и полюбить Христа, потому что сами не пострадали, чтобы почувствовать Христовы страдания, которые Он претерпел ради нашего спасения, чтобы умилиться от любви Христовой и “сойти с ума” от Божественного эроса, поглотившись Небом. Итак, когда человек не продвигается по естественному пути духовной жизни распятие - воскресение, чтобы пережить пасхальное духовное состояние, он еще более несчастен, чем миряне. Ибо миряне как-то могут понять, что значит Божественный эрос, тогда как те, которые отправились в путь к небесной любви и высшим радостям, из-за того что обращаются также и к мирским радостям, остаются на середине дороги, подобно жене Лотовой, а потому их сердце бесчувственно, как камень, и они искушаются самим выражением “Божественный эрос”, когда встречают его в книгах нашей Церкви» (Старец Паисий. Отцы–святогорцы и святогорские истории. Перевод с новогреческого Сергея Говоруна. Свято–Троицкая Сергиева Лавра, 2001)

⁵ См. Апресян Р.Г. Слова любви: eros, philia, agape //Философия и культура, № 8(56), 2012. С. 27–40.

таких же терминах, как влюблённый юноша в Книге Песнь Песней описывает свою избранницу: горячо, страстно, неудержимо. Это именно та самая любовь, которая заповедана Богом: всем сердцем твоим, всею душою твою, всеми силами и всей мыслью (Втор. 6:5). Одним словом, очень большая любовь. Очень радостная – и очень светлая. Правда, путь к ней – через Крест.

Я уже вижу откровенный ужас в глазах слушателей. Какое бесстыдство – уподобить духовные отношения с Богом – вполне человеческой эротике!

Но вот что говорит нам известный греческий богослов протоиерей Василий Фермос: «Эротические взаимоотношения рассматриваются как первейшая и основополагающая человеческая функция. Святой Иоанн Златоуст говорил, что Бог посеял эрос, дабы человек удостоился славы и восполнился. Господь сделал эрос ступеньками, по которым человек может подняться ко всему высшему и небесному. Разумеется, не в том смысле, что автоматически эротическая жизнь духовно возвышает человека (злоупотребляя ей, человек может даже пасть). Но, когда человек живёт духовной жизнью, сам факт существования эроса служит движителем для любви к Богу: поскольку эрос по отношению к человеку настолько силён, то можно себе представить, насколько сильным может стать любовь к Богу. Не говоря уже о том, что с помощью межличностных отношений человек учится открываться ближнему и общаться с ним. Без этой важной предпосылки невозможно общаться с Богом»⁶.

А вот что вспоминает преподобный Паисий Святогорец: «Один монах мне говорил: “Геронда, мой брат влюбился в цыганку, даже спать перестал. Только и слышно «Параскевушка моя, Параскевушка моя». Заколдовали его, что ли? Не знаю! Я столько лет монах и не люблю Божию Матерь так, как мой брат любит свою цыганку! Я, например, совсем не чувствую в сердце никакого веселья”»⁷

Не то ли самое должно происходить и в отношениях между человеком и Богом? Не для того ли и заповеди, и ежедневная брань между плотью и духом, между эгоистическими устремлениями и Божественными повелениями? Вкладываясь в это, мы все плоды трудов превращаем в один большой дар, залог нашей любви и верности Возлюбленному Богу. И это – не дружеское «агапе», не приятельская «филия» или семейное «сторге»: это чистейшей воды «эрос», только избавленный от физиологической обусловленности – а по интенсивности, целостности, неудержимости желания, вовлеченности всего человека – своего рода «тоталитарности» – самый настоящий «эрос», без которого жизнь человека быстро становится серой, скучной и пошлой.

Но как же быть тогда с очень жёсткими запретами Церкви, связанными с заповедью «не прелюбодействуй» – и канонами, которые решительно отсекают широкий спектр возможных человеческих «любовей» – включая не только самоудовлетворение и измены, но и все виды противоестественных отношений? Снова послушаем отца Василия Фермоса: «Церковь в необычайной степени

⁶ <http://www.matrony.ru/eros-i-brak-tainstvo-lyubvi/>

⁷ Паисий Святогорец. Собрание сочинений. т.5, раздел 2, часть 2.

уважительно относится к эросу и браку, и только через призму этого уважения можно понять её «запреты» в данной области. В сущности, речь идёт о средствах защиты Божественных даров, данных человеку, — так же, как мы защищаем огонёк свечи, чтобы его не задул ветер, или как спортсмен ограничивает себя в некоторых вещах, чтобы позже ощутить радость и вкус победы. Начальный капитал эроса необходимо увеличивать и преображать, а не тратить опрометчиво и необдуманно, как это часто происходит»⁸.

Вот, оказывается, где зарыт секрет христианской святости! Не в пуританстве и ханжестве по отношению к полу как таковому – а в умении направить неотъемлемую от человеческой природы энергию пола – к Богу! Внутри каждого из нас находится целый ядерный реактор – безумно его пытаться уничтожить: правильно направленный, преображённый эрос – вот главное «топливо» полноценной человеческой жизни, ведущей к Богу и святости!

Если достижение такой – настоящей, большой любви – и есть смысл жизни христианина, то неизбежен вопрос: а где же её взять? тем более, когда внутри каждого из нас – мощный магнит эгоцентризма, своим полем завораживающий любое благое движение – снова на пользу себе, любимому? Да и возможна ли вообще эта загадочная Христова любовь сегодня?

Мне хочется привести две небольших истории из современной жизни афонских монахов. Один молодой послушник, несколько лет прожив в совсем маленьком скиту с двумя престарелыми монахами, в какой-то момент смертельно устал от постоянных ночных служб, вечного недосыпа, скудной еды, – да и хозяйственные дела главным образом лежали на нём. И он решил: уеду с Афона, женюсь, и стану обычным нормальным семейным священником. Услышав об этом, старцы промолчали. Он уже подготовил целую апологетическую речь в свою защиту – но она оказалась не нужна. Через несколько дней, когда он собрал свои вещи и собрался навсегда покинуть скит, старички вышли его проводить. Они так и не сказали ни слова укора – хотя понимали, что их просто бросают на произвол судьбы. На прощание один из них вынул из-за пазухи толстый конверт – в котором лежали деньги. «На, возьми, пожалуйста: ты столько трудился на нас, теперь едешь в мир, там они тебе больше пригодятся – а мы уж как-нибудь обойдёмся, мы же монахи, в конце концов!» Когда юноша понял, что ему отдают все деньги, что были в обители – лишь бы ему там, в миру, было легче устроиться – и отдают без малейшего укора или назидания – его пробило. Он упал в ноги к своим старцам – разревелся, как малое дитя – и никуда не пошёл.

Вторая история – не менее интересная. В одной небольшой келье вдруг заметили, что куда-то стали исчезать дыни с небольшой бахчи. Поскольку обитель была в очень труднодоступном месте, и никого из чужих там не бывало – стали подозревать, что кто-то ворует из своих же. И вот, один монах решил устроить ночью засаду. Ещё не рассвело, как он прибежал, весь радостный, в келью игумена. «Отче, теперь я знаю, кто из наших дыни ворует!» Не дав

⁸ <http://www.matrony.ru/eros-i-brak-tainstvo-lyubvi/>

договорить, игумен закрыл ему рот рукой – и сказал: «Если в следующий раз тебе снова придёт мысль идти и выслеживать вора, я тебя очень прошу: спрячься так, чтобы он тебя случайно не заметил – для спокойствия его совести!» Вот что такое – безусловная любовь: для игумена и сам вор, и другие монахи – были одинаково любимы – и он трепетно относился к душевному покою каждого из них, терпеливо ожидая, когда же грешник сам придёт к покаянию.

Любовь – не есть нечто «само собой разумеющееся»: ей надо также учиться, как и разговаривать, рисовать или играть на музыкальном инструменте. По своему предназначению Церковь и есть прежде всего школа этой любви. В любой школе есть соответствующие классы. В нашем случае – это будут классы внимания, уважения, интереса и неотступности.

Первый класс – первый показатель любви – внимание. Это почти безошибочный маркер отношений между людьми. Если мы хотим учиться любви, значит, надо научиться управлять своим вниманием, распределяя его так, чтобы своим «облаком любви» охватить максимально тех, кого Господь поставил рядом с нами идти по жизни. Невнимание – значит, в душе господствует память о себе: любовь – это прежде всего память о других.

Второй класс – уважение. «Какая вам польза, – говорит Христос – если вы любите любящих вас?» Это – совсем не трудно. А вот полюбить того, кто – чужой, иных взглядов и образа жизни, быть может, даже твой откровенный враг – вот это действительно – сильно. Безусловная любовь – та, которой Бог любит нас – не подминает под себя человека, но бесконечно уважает любой выбор – даже если он – ошибочный.

Третий класс – интерес. Как можно сохранить интерес к человеку, когда он – или она – казалось бы, давно уже изучен вдоль и поперек? Как можно сохранить интерес к Богу, когда весь внешний ритуал вызубрен наизусть? Искать резонансные точки – у каждого – свои – которые помогают освежить, пробудить, вдохновить интерес к другому. Любовь – не чувство, а делание. Любит Христа тот, кто пашет на ниве Его заповедей, а вовсе не тот, кто поёт романсы под луной.

И последний, четвертый класс – неотступность. Все мы хорошо знаем притчи Христа о важности неотступности в молитве – о друге, который поднимается ночью на непрекращающийся стук в дверь, о женщине, надоедающей судьбе, что он уже мечтает от неё избавиться. Но ведь эта неотступность – симметрична: Бог потому и ждёт от нас неотступности – потому что Сам только так нас и любит! В молитве анафоры – центральной евхаристической молитвы – есть такие слова, хорошо знакомые каждому священнику: «Ты от небытия в бытие нас привел еси, и отпадшья возставил еси паки, и не отступил еси, вся творя, дондеже нас на Небо возвел еси и Царство Твое даровал еси будущее». Бог, словно горячо влюблённый, уже не останавливается ни перед чем. Потеряв предмет Своей любви – человека – Он приходит на землю, Он сходит во ад, Он вытягивает его из плена смерти и греха Своим Воскресением – и только тогда может успокоиться.

Неотступность в отношениях между людьми – это показатель не только действенной любви, но и веры в то, что непреодолимых препятствий не бывает.

Главный вызов, адресованный Церкви сегодня – это вызов не-любви. В какие формы эта не-любовь облекается – большого значения не имеет. Аборты и ЛГБТ, эвтаназия и коррупция, трансгуманизм и терроризм – всё это – один и тот же отказ от заповеданной нам Христом любви. Любви вполне конкретной, ясно очерченной, понятной – и благословенной. И противостоять этим вызовам можно только одним образом: не на словах, а жизнью свидетельствовать о Церкви как территории Божьей – и человеческой – любви, школе любви, куда приходят полуживые, застывшие от ледяного дыхания Снежной Королевы люди – и отогреваются: ледяные занозы греха вытаскивают из сердца, и оно снова начинает любить – болеть – и жить!